

Возможно, этот мужчина чем-то напоминал Ань Цзыфан. Она тоже была такой бестолковой, но после смерти мужа уехала отсюда. Раньше она всегда говорила, что здесь небо очень синее и почти нет облаков, поэтому каждый раз, когда она поднимала голову, на душе становилось легче. Он тоже посмотрел вверх, подставив лицо солнцу, и увидел множество плывущих белых облаков.

— Что это у тебя? — воскликнул Шангуань И, резко оттянув воротник его футболки назад. Хань Цихэ глухо кашлянул и изо всех сил потянул воротник обратно на грудь, едва не задохнувшись.

Поняв, что произошло, Шангуань И тихо рассмеялся.

— Я же намекал тебе минуту назад, а ты такой бестолковый.

— Э-э... у тебя есть аптечка?

— В комнате. Пойдем со мной!

Шангуань И едва успевал за его стремительными шагами. Они взлетели на четвертый этаж, и он невольно запыхался. У этого человека были странные привычки: выходы на нижних трех этажах были наглухо заклеены желтой сигнальной лентой, и только четвертый оставался открытым. К тому же здесь было всё необходимое — дом совсем не походил на жилище человека, который появляется здесь лишь время от времени.

Шангуань И протянул Хань Цихэ написанную долговую расписку и спросил:

— Может, обработаешь рану?

— Я для того тебя и позвал, чтобы ты помог, а ты первым делом бросился писать расписку! — Хань Цихэ закатил глаза. Ну и чудака ему попался.

Он ужасно не хотел ехать в больницу. Если бы он туда отправился, его бы наверняка выставили вон! Этот мужчина был наивен, как ребенок, и если бы СМИ прознали о таком, покоя бы не было. К тому же судебных исков было бы не избежать.

— Я? Но это не очень удобно, — Шангуань И замялся. Мужчина и женщина, да еще и помощь с раной на спине? Он невольно дал волю воображению. В конце концов, он тоже мужчина, и вид такой красавицы вызывал определенные мысли.

— Что тут неудобного! Я не против, чего ты стесняешься? Ты хоть знаешь, кто я? Я — Хань Цихэ, звезда всей Азии! То, что ты можешь коснуться моего тела, означает, что в прошлых трех жизнях ты накопил немало заслуг! Просто полей меня лекарством, и всё!

— Я могу отвезти тебя в больницу...

— Я же сказала, я — Хань Цихэ, известная на весь свет! Ты что, меня не знаешь?

Шангуань И решительно покачал головой. Он понятия не имел, кто такой Хань Цихэ. Звезда? Разве звезд не должны охранять толпы людей? Писатель? Тоже вряд ли. Может, лауреат какой-нибудь премии...

Да этот тип просто не человек! Хань Цихэ вытащил из-под кровати аптечку. Впервые в жизни он слышал, чтобы кто-то не знал его в лицо. Постеры на каждом углу, развлекательные новости, заполняющие эфир, бесконечные телешоу — даже если не знаешь имени, лицо-то должно быть знакомым!

Хань Цихэ дернул футболку вверх, стянул ее и бросил на диван, а затем обессиленно повалился на кровать, словно потеряв равновесие.

— Ты зачем всё снимаешь... — руки Шангуань И с флаконом лекарства слегка дрожали. Хотя спина Хань Цихэ была усеяна мелкими царапинами от осколков стекла, было видно, что кожа у него просто идеальная.

— А как еще? Чтобы лекарство впиталось в одежду? Ты хоть знаешь, что это спонсорские вещи? Если испачкаю — будут большие проблемы!

— Нет, нет, не поворачивайся! — Шангуань И придержал Хань Цихэ, который уже собрался перевернуться. — Если повернешься, все увидят. Будь осторожнее.

— Чего бояться? Ничего постыдного тут нет. То, что ты можешь коснуться меня, — редчайшая удача...

Шангуань И сглотнул и принялся промывать раны вокруг шеи.

— У тебя руки свело?

— Нет, нет, не поворачивайся!

— У меня отличная кожа, правда? Ничего, пользуйся моментом, можешь потрогать подольше! Потом такой возможности может и не представиться.

Шангуань И косился на окно в пол. Если он продолжит смотреть, то, чего доброго, у него носом пойдет кровь. Он никогда не был так близок с женщиной, а уж тем более не касался их тел. Даже с Цзи Фэйя он разве что здоровался за руку, и ничего больше. А тут...

Шангуань И двигался очень осторожно. Если бы мог, он бы просто вылил лекарство сверху, но ему хотелось прикоснуться. Он вдруг почувствовал себя таким распутником.

— Твою мать!

— За что ты меня ругаешь?

Спина Хань Цихэ напряглась, он покачал головой. Сейчас он чувствовал, что ситуация становится опасной. Шангуань И прикоснулся к нему так нежно, что сердце начинало выпрыгивать из груди. Неужели он мазохист? В конце концов, он такой обворожительный, а сам подставил ему свою спину...

Хань Цихэ снова попытался повернуться, но Шангуань И намертво прижал его к кровати.

— Ты что, гей?

— Гей? — Шангуань И усмехнулся, не ответив ни слова.

Хань Цихэ резко перевернулся и прижал его к матрасу. Раньше он просто думал, что она красивая, но сейчас, глядя в лицо, не мог подобрать слов, чтобы описать, насколько она прекрасна: нежная кожа, неповторимые черты лица и эта дразнящая, насмешливая улыбка в уголках губ, от которой невозможно оторвать взгляд.

— Ха-ха-ха, чего упрямишься? Я не единственная, кто потерял от тебя голову!

— Ты мужчина? — спросил Шангуань И, глядя на его плоскую грудь.

— А кто же еще? Не веришь — могу раздеться и показать! — Шангуань И в ответ лишь закатил глаза, с презрением глядя на уже расстегнутую молнию.

— Думаешь, весь мир в тебя влюблен, — пробурчал Шангуань И, убирая лекарство обратно в аптечку и кладя расписку на стол. — Я ухажу! Долговую расписку я написал, если что-то нужно будет... я тебя найду!

Он забыл, что у него с собой ничего нет, кроме удостоверения личности.

— Не спи на этой кровати, она вся мокрая, простудишься! — предупредил Шангуань И. Пока он лил лекарство, косясь в сторону, он залил всё вокруг.

— Беспокоишься обо мне?

Шангуань И бросил на него косой взгляд и, не сказав ни слова, направился к выходу.

Он сел на каменную скамью у домика на дереве и, глядя на не гаснущий свет в комнате, почувствовал укол совести. Взглянув на машину неподалеку, он лишь горько усмехнулся.

Дождь барабанил по панорамным окнам. Когда-то Сюй Фаньфэн обнимал ее, стоя здесь, а он сам стоял у того дерева и молча наблюдал, пока она не обвила шею Сюй Фаньфэна, требуя поцелуя. Только тогда он смог спокойно уйти. Сюй Фаньфэн был единственным, кого она любила, и единственным, кто любил ее.

Хань Цихэ опустил взгляд и встретился глазами с Шангуань И, сидящим внизу. В душе поднялась какая-то странная буря. Он был так похож на него в те времена — такой же подавленный, такой же одинокий. Хань Цихэ приподнял руку, сам не зная зачем, но тут же опустил ее и решительно зашагал прочь из комнаты.

— Почему ты не идешь домой? — Хань Цихэ тряхнул головой, стряхивая капли дождя.

— Я же сказал, у меня нет дома.

По тону его голоса казалось, будто он винит его в чем-то. Хань Цихэ беспомощно покачал головой. Словно он был ему что-то должен, хотя на самом деле это он задолжал ему машину и телефон.

— Тогда работай на меня. Скажу сразу: найти работу с зарплатой в пятьсот тысяч, где кормят и дают жилье, просто невозможно, если только это не компания твоей семьи! — Хань Цихэ вдруг осенило, и он пристально посмотрел на него. — Твоя семья раньше владела компанией? Довольно крупной?

— Я работал на отца...

— Я так и знала! Никто в здравом уме не будет платить тебе такие деньги.

— Ты же звезда, а ругаешься как сапожник...

— Звезды что, не люди? Все люди ругаются! Не заговаривай мне зубы, я спрашиваю: будешь работать или нет?

Возможно, он оставил его только потому, что почувствовал нечто до боли знакомое.

— Хорошо, попробую.

Хань Цихэ закатил глаза. Вид у него был такой, будто это он одолжение делает, соглашаясь на работу. Дети, выросшие с серебряной ложкой во рту, всегда такие — любят строить из себя недотрог.

— Чего застыл? Заходи, а то простудишься, я не собираюсь оплачивать твои счета за врача.

Шангуань И закатил глаза.

<http://bllate.org/book/20778/2084711>